

В. П. Алексеев

АНТРОПОЛОГИЯ В АКАДЕМИИ НАУК ЗА 250 ЛЕТ

Впервые мысль о создании в России Академии наук была высказана Петром I после возвращения из-за границы, где он провел 1697—1698 гг.¹. Однако реализована она была, как известно, лишь много позднее: указом от 28 января (по старому стилю) 1724 г. Интерес к минеральным богатствам России и разработке недр, первоочередные задачи нарождавшейся промышленности и военного дела не заслонили от Петра других важных проблем — изучения России в естественноисторическом отношении, развития ботаники, зоологии, физики, химии и других, как принято говорить сейчас, фундаментальных наук². Среди них нашла свое место антропология, задачей которой в то время был сбор сведений о физическом типе народов России и их первоначальная систематизация, а также изучение различных уродств и отклонений от нормального развития. К исследованию уродств Петр всегда проявлял большой интерес. Известная коллекция человеческих уродов, собранная Ф. Рюйшем в Голландии, была куплена по его личной инициативе, и, пожалуй, с нее нужно начать историю того отдела сначала в Кунсткамере, а затем в Музее антропологии и этнографии, который посвящает биологии человека³.

В 1737 г. В. Н. Татищев составил вопросник⁴, посвященный истории и географии России, который включал, однако, не только географические и исторические вопросы, но и вопросы, касающиеся коренного населения, местных обычаев и обрядов, а также физических особенностей «инородцев». Разосланный Академией наук как административным лицам, так и многочисленным любителям естествознания в разных уголках нашей страны вопросник, несомненно, стимулировал научную работу, заставляя обращать внимание на такие явления, которые прежде оставались за пределами интересов местных исследователей. К сожалению, ответы на вопросы не были опубликованы и сохранились лишь частично в архивах, но и в первоначальном виде они служили ориентиром в этническом и расовом разнообразии населения Российского государства.

С самого начала организации Академии наук материалы такого рода стали собирать и все академические экспедиции в разных районах страны. Особенно велик вклад участников Первой и Второй академических экспедиций, охвативших своими исследованиями огромную область, практически территорию всей Северной Азии. Участники этих экспедиций — выдающиеся натуралисты и историки — работали в исключительно трудных условиях с замечательным энтузиазмом и полной отдачей сил и оставили большой след в истории русской науки на этот раз уже не только в виде огромных материалов, сохранившихся в архивах, но и в многотомных опубликованных описаниях путешествий и региональных

¹ Б. В. Левшин, Создание Академии наук в России, «Природа», 1974, № 1.

² Об этом см. В. И. Вернадский, Первые годы Академии наук, «Природа», 1973, № 9.

³ Историю и описание коллекции см.: В. В. Гинзбург, Анатомическая коллекция Ф. Рюйша в собраниях Петровской Кунсткамеры, «Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР» (далее — «Сб. МАЭ»), т. XIV, М.—Л., 1953.

⁴ О разносторонней деятельности В. Н. Татищева и его вопроснике см. Н. Попов, В. Н. Татищев и его время, М., 1861.

монографиях. Для антропологического изучения народов нашей страны особенно важны наблюдения И. Гмелина в Южной и Восточной Сибири, С. П. Крашенинникова на Камчатке и участников экспедиции В. Беринга на Камчатке и на Командорских островах⁵.

Однако эта большая и важная работа, по существу составлявшая необходимый этап в истории науки, не была оформлена организационно. Антропология еще не осознавалась как самостоятельная наука, антропологические сведения собирались наряду с этнографическими и историческими. Это был период предистории антропологии в Академии наук, период накопления первых эмпирических, еще разрозненных наблюдений, начавшийся анкетой В. Н. Татищева и академическими экспедициями и продолжавшийся приблизительно до середины прошлого столетия.

У начала второго периода истории антропологии в Академии наук стоит громадная фигура К. М. Бэра — необычайно разностороннего ученого, сравнительного анатома, палеонтолога, эмбриолога, ихтиолога, географа, археолога, историка, внесшего существенный вклад и в антропологическую науку. Многочисленные самостоятельные исследования К. М. Бэра посвящены разным вопросам антропологии⁶, но еще большее значение имела его организационная деятельность, в результате которой антропология впервые оформилась в России как особая наука со своими методами и определенным предметом исследования, получила официальное признание в Академии наук. Таким официальным признанием было переименование Анатомического кабинета Академии в Антропологический кабинет после того, как К. М. Бэр, став академиком, начал заведовать этим кабинетом.

Но дело было не только в номинальном появлении антропологии в списке академических дисциплин, а в активизации антропологической работы, выразившейся в исследованиях самого К. М. Бэра и непрерывном пополнении антропологических, прежде всего краниологических коллекций. Мало интересуясь изучением современных ему народов России, К. М. Бэр тем не менее заботился о сборе черепов представителей населявших ее народов, направлял деятельность местных энтузиастов, поощрял раскопки, проводившиеся работниками немногочисленных тогда краеведческих музеев, закупал краниологические коллекции за границей. Замкнутый человек, К. М. Бэр был полностью занят своими обширнейшими исследованиями в разных областях науки; он писал преимущественно по-немецки и до конца своих дней не овладел вполне русским языком. У него не осталось учеников, и антропологические исследования в Академии после его смерти прервались на два десятилетия. Однако краниологические коллекции продолжали расти. В 1850 г. в Антропологическом отделе было, например, немногим более 200 черепов представителей народов России и других стран⁷, на рубеже XIX—XX вв. — больше тысячи⁸. Следует отметить и роль К. М. Бэра в организации экспедиций Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею и по Юго-Восточной Азии.

Дальнейшее организационное укрепление антропологии было также связано не с исследовательской, а с музейной деятельностью. В 1878 г. Антропологический кабинет было решено слить с Этнографическим и на этой базе создать Музей антропологии и этнографии. Принятое решение было проведено в жизнь более чем через 10 лет, и первая экспозиция

⁵ О наблюдениях последней экспедиции см.: Л. С. Берг, Открытие Камчатки и экспедиция Беринга, М.—Л., 1946.

⁶ Наиболее полную характеристику творчества и биографию К. М. Бэра см.: Б. Е. Райков, Карл Бэр, его жизнь и труды, М.—Л., 1961; П. Г. Светлов, Т. А. Лукина, Академик Карл Бэр, «Природа», 1974, № 1.

⁷ K. Baer, Über den Zustand und die Geschichte des Anatomischen Kabinetts der Akademie, «Сб. МАЭ», т. I, вып. VII, СПб., 1904 (посмертная публикация).

⁸ Ю. В. Людевик, Список черепам краниологической коллекции Музея антропологии и этнографии, «Сб. МАЭ», т. I, вып. VII, СПб., 1904.

нового музея открылась лишь в 1891 г. В ней среди археологических и этнографических коллекций большое место занимали и антропологические экспонаты.

Итак, во второй период своего развития в Академии, который можно назвать организационным, антропология оформилась как самостоятельная наука, стали ясны ее основные задачи, обозначился круг проблем, были опубликованы первые оригинальные антропологические исследования. Этот период, начавшись деятельностью К. М. Бэра, закончился примерно в конце прошлого века открытием академического Музея антропологии и этнографии.

Третий и последний дореволюционный период в истории развития антропологии в системе Академии наук не выдвинул таких ярких фигур, как К. М. Бэр, но ознаменовался расширением круга специалистов, а главное — расширением границ исследовательских работ. Проводилось исследование современного населения, возник интерес к использованию антропологических данных в исторических целях (такие возможности осознал еще К. М. Бэр), изучались морфологические вариации и т. д. В этот период в Петербурге выдвинулся ряд специалистов, которые начали самостоятельные исследования в области антропогенеза, расоведения и морфологии человека: Ф. К. Волков, С. И. Руденко, Д. А. Золотарев, К. З. Яцута, Г. А. Бонч-Осмоловский. Эти ученые продолжали свою исследовательскую деятельность и после Великой Октябрьской социалистической революции. Диапазон их работ, к сожалению, не был полностью отражен в единственном печатном органе Академии наук, помещавшем антропологические статьи, — «Сборнике Музея антропологии и этнографии». В нем были опубликованы лишь сравнительно-анатомические исследования К. З. Яцуты. Подавляющее же большинство законченных исследований напечатано в виде кратких рефератов в трудах, издававшихся Русским антропологическим обществом при Петербургском университете⁹, а также на страницах издававшегося с 1900 г. Московским университетом «Русского антропологического журнала».

Важность третьего периода истории антропологии в системе Академии наук состоит в том, что только на протяжении этого периода во всей широте выявилась исследовательская антропологическая тематика, а также связи антропологии со смежными науками — этнографией, историей и археологией, медициной, сравнительной анатомией; приобрели определенные контуры методологические и методические установки антропологической науки. Если первый период, как уже говорилось, был периодом накопления материалов и самой первой их систематизации, а второй период — периодом организации, оформления антропологической науки как самостоятельной дисциплины, то третий период, начавшийся в конце прошлого века и продолжавшийся до Великой Октябрьской социалистической революции, мы вправе обозначить как период развития антропологии и шири, и глубь.

После Великой Октябрьской социалистической революции антропология в системе Академии наук развивалась в тесной связи с аналогичными исследованиями в других научных учреждениях. Основные этапы развития советской антропологии в целом неоднократно освещались в различных статьях¹⁰. В этих статьях, а также в общих работах по истории советской антропологии была сделана попытка наметить периоди-

⁹ О нем см.: Г. Ф. Дебед, Этническая антропология в работах русских антропологов конца XIX и начала XX века (Петербургская и Московская школы), «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. II, «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее — ТИЭ), т. 85, М., 1963.

¹⁰ Наиболее полный исторический обзор см.: В. В. Гинзбург, Антропология в Академии наук, ТИЭ, вып. IV, т. 94, М., 1968; см. также В. П. Якимов, Антропологический отдел Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР, «Архив антропологии, гистологии и эмбриологии», 1964, № 3.

зацию этой отрасли знания в нашей стране. Г. Ф. Дебеч в статье, написанной к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, выделил три этапа в развитии антропологии в нашей стране в советское время¹¹. Через 10 лет, приняв эти три этапа, я пытался наметить контуры четвертого¹². Сейчас об этом четвертом этапе можно говорить с гораздо большей определенностью. В соответствии с выделенными четырьмя этапами мы и рассмотрим вкратце историю советской антропологии в рамках Академии наук СССР.

Первый этап продолжался до 1930 г. Переломным моментом, переходом ко второму этапу послужил IV Всесоюзный съезд зоологов, анатомов и гистологов, проведенный в 1930 г. в Киеве. До этого съезда антропологические исследования, как и в дореволюционный период, носили чаще всего академический характер. Д. А. Золотарев обследовал финноязычные народы Кольского полуострова и издал две монографии о саамах и карелах, С. И. Руденко опубликовал результаты обследования обских угров и проведенного под его руководством изучения антропологического состава казахов¹³. Параллельно исследовалось население Поволжья и Якутии. Б. Н. Вишневский организовал центр по изучению групповых факторов крови и конституционального габитуса в Антропологическом отделе Музея антропологии и этнографии АН СССР. Ему принадлежит книга о происхождении человека, построенная на новейших литературных данных. Она написана в доступной неспециалистам форме и знакомит читателей с наиболее яркими палеоантропологическими открытиями тех лет и выдержала несколько изданий.

Самостоятельную палеоантропологическую работу вел Г. А. Бонч-Осмоловский. Начав специализироваться по этнографии народов Центрального Кавказа, в частности хевсуров, он занялся затем археологией Крыма, которая и стала основной областью его научных интересов. В результате длительных и планомерных разведок Г. А. Бонч-Осмоловский открыл много палеолитических памятников и начал их интенсивные раскопки. В 1924 г. его работа увенчалась блестящим успехом — открытием костных остатков неандертальского человека в гроте Киик-Коба. Были найдены кости стопы и кисти, подробно изученные Бонч-Осмоловским.

Если добавить к этому перечню работ антропологов Академии наук сравнительно-анатомические исследования К. З. Яцуты, периодически печатавшиеся в разных изданиях, а также упомянуть о непрерывном росте краниологических и других антропологических коллекций в антропологическом отделе Музея антропологии и этнографии АН СССР, то обзор первого периода в истории антропологии в Академии наук можно считать достаточно полным.

На IV Всесоюзном съезде зоологов, анатомов и гистологов в Киеве в 1930 г. работала специальная антропологическая секция¹⁴, где были заслушаны доклады о теоретических основах антропологических исследований в нашей стране, подвергнуты критике идеалистические и расистские концепции антропогенеза и расоведения. В этих докладах разрабатывались основные вопросы антропологической науки под углом зрения философии диалектического материализма. Сам съезд показал стремление советских морфологов и среди них советских антропологов

¹¹ Г. Ф. Дебеч, Сорок лет советской антропологии, «Сов. антропология», 1957, № 1.

¹² В. П. Алексеев, Изучение антропологического состава населения за 50 лет, «Сов. этнография», 1967, № 5.

¹³ Нет возможности в этой статье привести сколько-нибудь полную библиографию. Об основных антропологических работах этого периода см. статьи, указанные в сн. 10—12. Кроме того, см. В. П. Алексеев, Антропологические исследования в СССР, «Сов. этнография», 1964, № 4.

¹⁴ «Труды IV Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов», Киев — Харьков, 1931.

революционизировать свою науку и найти новые, созвучные духу времени формы научной работы.

Съезд сыграл большую роль в организации антропологических исследований в стране в целом. В преобразованном и обновленном виде с 1932 г. стал выходить «Антропологический журнал», много внимания уделявший теории антропологии. Большое место в нем заняли систематизация высказываний классиков марксизма об эволюции органического мира, происхождении человека и человеческих расах, а также специальное изучение той части «Диалектики природы» Энгельса, которая посвящена человеку, и развитие содержащихся там теоретических положений на основе новых конкретных материалов. В этот период в Академии наук был организован на базе Музея антропологии и этнографии АН СССР Институт антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде. Музей вошел в него в качестве самостоятельной организационной единицы с гораздо большим штатом сотрудников и расширенным научным планом. Антропологический отдел этого вновь организованного института провел до Великой Отечественной войны ряд комплексных экспедиций в разные районы страны — Бурят-Монголию, Полесье, Таджикистан, Туркмению. В них участвовали как старые сотрудники отдела, работавшие на протяжении первого периода, так и группа молодых специалистов, начавших в те годы свою научную деятельность — В. В. Гинзбург, Е. В. Жиров, Е. Г. Либман, Г. И. Петров, А. Н. Юзefович. Эти экспедиции изучали население по широкой морфологической программе с включением серологических тестов, что нашло отражение в монографических изданиях, посвященных метисному населению Забайкалья (коллектив авторов под руководством Г. И. Петрова), таджикам Каратегина и Дарваза (В. В. Гинзбург), а также в серии статей, опубликованных на страницах «Антропологического журнала» в Москве.

Заметно интенсифицировалась в это время палеоантропологическая работа. Костные остатки неандертальца из Киик-Кобы, уже упомянутые выше, были описаны в двух капитальных монографиях Г. А. Бонч-Осмоловского¹⁵. Активные и плодотворные ежегодные раскопки Г. А. Бонч-Осмоловского и его учеников в Крыму привели к открытию скелетов мезолитического времени; они описаны Г. Ф. Дебецом и Е. В. Жировым. Постоянно росла и краниологическая коллекция за счет огромных материалов, поступающих из археологических раскопок в разных частях нашей страны. Именно в процессе этих планомерных и тщательных раскопок практически впервые были получены достаточно обширные серии скелетов людей разных эпох, также поступившие в Музей антропологии и этнографии и составившие начальную основу ныне огромного остеологического собрания. Их сразу же начали изучать не только в антропологическом, но и в палеопатологическом отношении, что послужило созданию временной ретроспективы для понимания хронологии возникновения многих заболеваний на территории СССР. Особо нужно сказать о работе Е. В. Жирова, в эти годы тщательнейшим образом подобравшего документацию ко всем краниологическим и остеологическим коллекциям музея и каталогизировавшего их. Это привело к интенсификации научных исследований и отразилось на качестве музейной антропологической экспозиции, в которую были включены новые оригинальные данные. Усилилась популяризаторская деятельность сотрудников Антропологического отдела, постоянно выступавших с лекциями и опубликовавших несколько популярных книг и брошюр, не говоря уже о большом числе статей в научно-популярных и общественно-политических журналах.

¹⁵ Г. А. Бонч-Осмоловский, Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба, М.—Л., 1941; его же, Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба, М.—Л., 1954.

Всю эту плодотворную и разностороннюю работу прервала Великая Отечественная война. В ополчении, а также в осажденном Ленинграде погибли сотрудники Антропологического отдела Г. А. Бонч-Осмоловский, Е. В. Жиров, Г. И. Петров, А. Н. Юзefович. Антропологический отдел Института антропологии и этнографии АН СССР сразу же потерял несколько своих ведущих работников и вынужден был в послевоенные годы во многом заново налаживать исследовательскую и популяризаторскую работу.

После окончания войны начался третий период в развитии антропологии в системе Академии наук, продолжавшийся до начала 60-х годов. В 1943 г. в Москве был организован Институт этнографии АН СССР. В его состав вошел и Ленинградский институт антропологии и этнографии АН СССР вместе с музеем (как Ленинградское отделение). В рамках института был создан Отдел антропологии, к работе которого были привлечены московские антропологи, ранее сотрудничавшие в Московском государственном университете, — В. В. Бунак, Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров. Деятельность нового отдела сосредоточилась вокруг проблем антропогенеза и расоведения, но основное внимание уделялось теоретическим вопросам этнической антропологии, т. е. изучению расогенеза в связи с этногенезом и разработке соответствующих методологических подходов к этой проблеме, а также исследованию расового состава народов СССР.

В этой статье нет необходимости перечислять все крупные мероприятия сотрудников Отдела антропологии на протяжении третьего периода, упомяну лишь о самых выдающихся. Многие из них связаны с деятельностью Г. Ф. Дебца. В довоенные годы Г. Ф. Дебец широко обрабатывал палеоантропологические коллекции музеев СССР и составил обширную сводку данных по палеоантропологии СССР, которая была защищена им как докторская диссертация в 1941 г., но опубликована позже¹⁶. Эта капитальная работа сыграла большую роль в развертывании палеоантропологических исследований в нашей стране. В 1945—1947 гг. Г. Ф. Дебец работал на Чукотке и Камчатке, исключительно полно охватив антропологическим обследованием этнические группы коренного населения и собрав во многом уникальный соматологический и краниологический материал¹⁷.

М. Г. Левин обследовал народы Амура, а также Южной Сибири. Антропологические материалы по народам Амура, собранные в этот период, вместе с данными, полученными М. Г. Левиным в конце 20-х годов, и этнографическими и археологическими материалами этногенетического характера легли в основу его монографии, посвященной антропологии и этногенезу народов Дальнего Востока¹⁸. В ней, как и в книге Г. Ф. Дебца 1951 г., обстоятельно разрабатываются вопросы расового анализа и использования антропологических материалов в качестве этногенетического и в более широком смысле — исторического источника. В. В. Бунак занимался в эти годы проблемами антропогенеза и сравнительной морфологии, что нашло отражение в книге о развитии черепа в процессе антропогенеза¹⁹, а также в подготовке к печати рукописи Г. А. Бонч-Осмоловского о стопе Киик-Кобинского неандертальца. В середине 50-х годов В. В. Бунак организовал многолетнее соматологическое изучение русского населения разных районов Европейской части

¹⁶ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, ТИЭ, т. IV, М.—Л., 1948.

¹⁷ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области, ТИЭ, т. XVII, М., 1951.

¹⁸ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, ТИЭ, т. XXXVI, М., 1958.

¹⁹ В. В. Бунак, Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас, ТИЭ, т. XLIX, М., 1959.

СССР²⁰. Т. А. Трофимова опубликовала монографию о результатах соматологических исследований в Поволжье²¹. На протяжении 50-х годов она постепенно обрабатывала палеоантропологические материалы, доставлявшиеся Хорезмской археолого-этнографической экспедицией. Итоги этой работы были подведены в монографии по палеоантропологии Хорезма²².

Проводились также тщательные соматологические исследования населения зарубежных стран. Вышла в свет фундаментальная работа Н. Н. Чебоксарова по антропологии Восточной и Юго-Восточной Азии, основанная как на оригинальных соматологических и краниологических материалах, так и на обобщении литературных данных²³. В этом исследовании была предложена аргументированная схема генеалогической классификации азиатских монголоидов, сохранившая свое значение до настоящего времени. Данные по населению всех префектур Японии были обработаны и подготовлены к печати М. Г. Левиным, к сожалению, не успевшим опубликовать их при жизни; его книга по антропологии Японии вышла посмертно почти через 20 лет после того как материал был собран²⁴.

Здесь же уместно упомянуть, что на основе оригинальных региональных работ, а также большого числа трудов антропологов многих стран мира была создана капитальная коллективная монография, давшая целостную картину расовой дифференциации на разных материках и впервые в русской литературе суммировавшая в таком объеме информацию о расовом составе народов земного шара²⁵.

В 1950 г. в Институте этнографии АН СССР в Москве была создана лаборатория пластической реконструкции во главе с М. М. Герасимовым, разрабатывавшая методику восстановления вариаций мягких тканей лица, опираясь на морфологию черепа и проводившая конкретные реконструкции исторических лиц и палеоантропологических объектов. На протяжении третьего периода М. М. Герасимов разработал методику графической реконструкции, что позволило применить его метод к массовому палеоантропологическому материалу. Результаты большой работы самого М. М. Герасимова и его сотрудников были подробно описаны в двух его книгах, а также в альбоме реконструкции²⁶.

В Антропологическом отделе Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР на протяжении третьего периода велись палеоантропологические исследования В. В. Гинзбургом, И. И. Гохманом и Б. В. Фирштейн. В. В. Гинзбург на палеоантропологическом материале разрабатывал отдельные вопросы истории расовых типов и этногенеза народов Средней Азии, готовил сводку по палеоантропологии Средней Азии. И. И. Гохман исследовал отдельные коллекции по палеоантропологии Южной Сибири и начал изучение уникальных палеоантропологических материалов из мезолитических и неолитических могильников Украины. Б. В. Фирштейн работала над проблемами палеоантропологии эпохи бронзы и раннего железа южных районов Европейской части СССР.

²⁰ «Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным», ТИЭ, т. 88, М., 1965.

²¹ Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, ТИЭ, т. VII, М., 1949.

²² Т. А. Трофимова, Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии, М., 1959.

²³ Н. Н. Чебоксаров, Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии, ТИЭ, т. II, М.—Л., 1947.

²⁴ М. Г. Левин, Этническая антропология Японии, М., 1971.

²⁵ «Происхождение человека и древнее расселение человечества», ТИЭ, т. XVI, М., 1951.

²⁶ М. М. Герасимов, Основы восстановления лица по черепу, М., 1949; его же, Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек), ТИЭ, т. XXVIII, М., 1955; его же, Люди каменного века, М., 1964.

Обзор этого периода в истории антропологии в Академии наук будет неполным, если не сказать о возникновении новых антропологических центров за пределами Москвы и Ленинграда. Организация новых антропологических центров в системе академий наук союзных республик дала возможность провести к концу третьего периода достаточно полную соматологическую съемку народов Советского Союза, содержащую лишь незначительные пробелы. Такие новые антропологические центры были созданы в Тбилиси (сначала в Институте экспериментальной морфологии Академии наук Грузинской ССР, затем антропологические исследования сосредоточились в Институте истории АН Грузинской ССР), в Таллине — в Институте истории АН Эстонской ССР, в Риге — в Институте истории АН Латвийской ССР, в Баку — в Институте истории, археологии и этнографии АН Азербайджанской ССР, в Душанбе — в Институте истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР, в Киеве — в Институте искусствоведения, фольклора и этнографии АН Украинской ССР. Позже, уже на протяжении четвертого послевоенного периода развития антропологии, в системе Академии наук появились группы антропологии в Нукусе — в Институте истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР, в Минске — в Институте истории АН Белорусской ССР, в Алма-Ате — в Институте истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Создается сектор антропологии в Ереване — в Институте археологии и этнографии АН Армянской ССР. Повсеместному распространению антропологических центров мы обязаны палеоантропологическими и антропологическими исследованиями современного населения ряда областей нашей страны. Вся собранная информация была отражена в монографических публикациях и статьях, из которых особого внимания заслуживают две книги М. Г. Абдушелишвили по палеоантропологии и соматологии Грузии²⁷ и исследование К. Ю. Марк по палеоантропологии Эстонии²⁸.

Переход от третьего периода к четвертому, современному, происходил незаметно, но, пожалуй, переломным можно считать период 1961—1964 гг., когда осуществлялась подготовка к VII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук, состоявшемуся в августе 1964 г. в Москве. В процессе этой подготовки, совпавшей по времени с возрождением генетических исследований в нашей стране, наметилась основная тенденция, характерная для четвертого периода в развитии антропологии: сближение антропологических исследований с популяционно-генетическими и расширение антропологической тематики за счет изучения генетических маркеров. Это потребовало организационной перестройки экспедиций, изменения методики исследований, в какой-то мере затронуло и методологическую базу антропологической науки. Все эти новые задачи еще далеко не решены, но собранный за прошедшие 10 лет большой материал уже показывает конкретные пути достижения единства антропологических и популяционно-генетических исследований.

Первыми включили в программу обследования современного населения генетические маркеры (пока только в виде определения генов системы АВО и MN) М. Г. Левин, работавший на Чукотке, и Г. Л. Хить — на Западном Памире. И. М. Золотарева собрала обширные данные по тем же системам, включая еще степень распространения отрицательного резуса среди жителей коренных народов северных районов Сибири. Под руководством В. В. Бунака было осуществлено изучение старожильческого населения Сибири по морфологической и генетической программам с учетом популяционного фактора. Этому фактору В. В. Бунак уделял

²⁷ М. Г. Абдушелишвили, К палеоантропологии Самтаврского могильника, Тбилиси, 1954; его же, Антропология древнего и современного населения Грузии, Тбилиси, 1964.

²⁸ К. Ю. Марк, Палеоантропология Эстонской ССР, ТИЭ, т. XXXII, М., 1956.

большое внимание, он наметил конкретные пути определения многих демографических характеристик на популяционном уровне, в том числе и родственной структуры популяции, и развил в нескольких работах учение о деде. Им опубликованы также подробные карты распространения генов групп крови АВО в Восточной Европе²⁹. А. А. Воронов впервые в Советском Союзе изучил распространение талассемии в Закавказье также на популяционном уровне³⁰. Это исследование потребовало освоения новых методик и разработки оригинального подхода к анализу географии генетических маркеров, так как наличие талассемии представляет собою селективную особенность популяций.

Параллельно с антропологической съемкой больших областей Советского Союза по генетически строго детерминированным признакам с простой наследственностью шло расширение морфологических программ, частично наметившееся в предшествующий период, а частично включившее принципиально новые системы. Огромную работу по изучению географии ладонного и пальцевого рельефа у народов СССР провела Г. Л. Хить, исследовавшая почти все основные этнические группы Советского Союза³¹. Дополнением к работе Г. Л. Хить является исследование Н. А. Никольской по распространению дерматоглифического узора у русских³². Широкого размаха достигло изучение одонтологических особенностей народов СССР, обязанное своим развитием А. А. Зубову. Обобщение мирового опыта по изучению этих признаков и результаты собственных исследований легли в основу двух его книг, из которых одна посвящена методическим вопросам, а вторая дает характеристику проблем этнической одонтологии в целом³³. Динамике одонтологических признаков во времени посвящена работа Н. М. Халдеевой³⁴. При всей подробности соматологической съемки народов Советского Союза на протяжении предшествующего третьего периода оставались народы и отдельные этнические группы, не изученные антропологами. Эти пробелы были заполнены в середине 60-х годов: И. И. Гохман провел антропологическое обследование кетов (собранные материалы пока не опубликованы), И. М. Золотарева — долган, нганасан, юкагиров³⁵, коллектив антропологов под руководством В. В. Бунака — русского населения Сибири³⁶. В эти же годы советские антропологи проводили работу на зарубежных территориях: Г. Ф. Дебеч исключительно полно обследовал по соматологической программе народы Афганистана³⁷, И. М. Золотарева провела четыре экспедиции в Монголию и собрала данные о соматологических особенностях монгольских племен.

²⁹ В. В. Бунак, Геногеографические зоны Восточной Европы, выделяемые по факторам крови АВО, «Вопросы антропологии», вып. 32, 1969.

³⁰ А. А. Воронов, Сравнительно-гематологические исследования у некоторых народов Закавказья, Автореф. канд. дис., М., 1970.

³¹ Полученные ею материалы лишь частично отражены в нескольких статьях. См. краткую итоговую публикацию Г. Л. Хить, Дерматоглифическая дифференциация населения СССР, «Доклады советской делегации на IX МКАЭН», М., 1973.

³² Н. А. Никольская, Дерматоглифика некоторых народов Восточной Европы в связи с проблемами их происхождения, Автореф. канд. дис., М., 1974.

³³ А. А. Зубов, Основы одонтологии. Методика антропологических исследований, М., 1968; его же, Этническая одонтология, М., 1973.

³⁴ Н. М. Халдеева, Эпохальная динамика одонтологических признаков в некоторых древних и современных популяциях на территории СССР, Автореф. канд. дис., М., 1969.

³⁵ И. М. Золотарева, Юкагиры (антропологический очерк), «Этнография и историческая антропология Азии», М., 1968.

³⁶ «Русские старожилы Сибири», М., 1973.

³⁷ Материалы изданы в шести ротационных выпусках. См. краткие сводные публикации: Г. Ф. Дебеч, Антропологические исследования в Афганистане, «Сов. этнография», 1967, № 4; G. Debez, Recherches anthropologiques en Afghanistan, «Proceedings of the VIII International Congress of anthropological and ethnological sciences», vol. I, Tokyo — Kyoto, 1968. Все ротационные выпуски переведены и изданы в США: G. Debez, Physical anthropology of Afghanistan, «Russian translation series of the Peabody Museum of archaeology and ethnology, Harvard University», vol. V, № 1, Cambridge, Mass., 1970.

тологических особенностях и группах крови основных территориальных подразделений монголов³⁸. М. Г. Абдушлишвили, А. А. Зубов, Н. Н. Чебоксаров работали в Индии³⁹, на территории Китая — Н. Н. Чебоксаров⁴⁰.

Не менее разнообразными на протяжении последнего периода по характеру использованных материалов и проблематике были исследования в области антропогенеза и палеоантропологии, а также примыкающие к ним немногочисленные работы по расовой морфологии. Первое место среди них, бесспорно, занимает монументальный труд о происхождении человека, подготовленный коллективом специалистов под руководством В. В. Бунака⁴¹. Морфологические аспекты проблемы антропогенеза рассмотрены в нем с почти исчерпывающей полнотой. Отдельные аспекты сложного вопроса о происхождении человека и формировании человека современного вида в связи с расообразованием освещаются в двух сборниках, авторы которых широко использовали палеоантропологические и археологические материалы, сравнительно-морфологические данные о возрастной изменчивости и рентгенологические наблюдения⁴². К этим работам по характеру использованных данных и подходу к проблеме примыкает исследование Ю. Д. Беневоленской о вариациях затылочной кости у представителей разных расовых типов и частично в филогенетической динамике⁴³. В ряде больших работ дается конкретная палеоантропологическая характеристика населения отдельных областей и эпох на территории Советского Союза. Отмечу монографию И. И. Гохмана о мезолитическом и неолитическом населении Украины⁴⁴, книгу В. В. Гинзбурга и Т. А. Трофимовой, содержащую полную сводку уже опубликованных и оригинальных материалов по палеоантропологии Средней Азии⁴⁵ и содержательное исследование М. С. Великановой по палеоантропологии Молдавии, пока полностью, к сожалению, не опубликованное⁴⁶.

Активно работали на протяжении последнего десятилетия антропологи периферийных антропологических центров. Они также включили в программу своих исследований ряд генетических маркеров и расширили морфологическую часть программы за счет одонтологических признаков и вариаций кожного рельефа. Постоянно обрабатывается палеоантропологический материал, и таким образом восстанавливается картина динамики антропологических комплексов во времени. Разрабатываемые проблемы находят отражение и в печати, хотя большая часть собранных данных пока еще не опубликована. Нужно назвать книгу М. Г. Абдушлишвили по палеоантропологии Грузии⁴⁷, книгу О. Исмагулова по

³⁸ И. М. Золотарева, О некоторых проблемах этнической антропологии Северной Азии (в связи с работами Г. Ф. Дебеца), «Сов. этнография», 1971, № 1; е е же, Геноеографическая характеристика Монголии по системе крови АВО, «Сов. этнография», 1972, № 6.

³⁹ N. N. Cheboksarov, A. A. Zoubov, The main problems of the ethnic anthropology in India, Moscow, 1967, М. Г. Абдушлишвили, Материалы совместных советско-индийских антропологических исследований в свете общих проблем генезиса индо-средиземноморской расы, «Сов. этнография», 1972, № 6.

⁴⁰ Н. Н. Чебоксаров, К этнической антропологии Южного Китая, «Сов. этнография», 1973, № 5.

⁴¹ «Исследуемые гоминиды и происхождение человека», ТИЭ, т. 92, М., 1966.

⁴² «Проблемы эволюции человека и его рас», М., 1968; «Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии», М., 1973.

⁴³ Ю. Д. Беневоленская, Морфология затылочной области черепа, Автореф. канд. дис., М., 1972.

⁴⁴ И. И. Гохман, Население Украины в эпоху мезолита и неолита, М., 1966.

⁴⁵ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова, Палеоантропология Средней Азии, М., 1972.

⁴⁶ М. С. Великанова, Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья, Автореф. канд. дис., М., 1970.

⁴⁷ М. Г. Абдушлишвили, К краниологии древнего и современного населения Кавказа, Тбилиси, 1966.

палеоантропологии Казахстана⁴⁸, монографии Г. П. Зиневич и С. И. Круц об антропологических особенностях населения Украины в эпоху бронзы⁴⁹, книгу А. Г. Гаджиева, на популяционном уровне исследовавшего основные этнические группы Дагестана⁵⁰, книгу К. Ю. Марк по соматологии финно-угорских народов⁵¹ и большое комплексное исследование Р. Я. Денисовой, посвященное как древнему, так и современному населению Латвии и опубликованное пока в виде краткого реферата⁵².

Сотрудники антропологических учреждений Академии наук СССР принимали участие во многих международных мероприятиях — симпозиумах, совещаниях, конгрессах. Не имея возможности все их перечислить, остановлюсь лишь на Международных конгрессах антропологических и этнографических наук. На V конгрессе в Филадельфии в 1956 г. советскую антропологию представлял Г. Ф. Дебеч; на VI конгрессе в Париже в 1960 г. — М. М. Герасимов, Г. Ф. Дебеч, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова. VII конгресс состоялся, как уже упоминалось, в 1964 г. в Москве, и в нем принимали участие практически почти все советские антропологи. На VIII конгрессе в Токио в 1968 г. от Академии наук СССР выступали с докладами М. Г. Абдушелишвили, Г. Ф. Дебеч, И. М. Золотарева и О. Исмагулов, на IX конгрессе в Чикаго в 1973 г. — М. Г. Абдушелишвили, В. П. Алексеев, Р. Я. Денисова и О. Исмагулов.

Наш по необходимости краткий обзор разрабатываемой антропологическими центрами тематики показывает ее широту, большой объем накопленной информации. Антропологический материал рассматривался в связи с этногенетическими проблемами, а также с целью выявления микроэволюционных закономерностей динамики человека современного вида. Небесполезно поэтому перечислить ключевые для дальнейших исследований проблемы, контуры которых вырисовываются уже сейчас. В литературе предшествующих лет большое внимание уделялось выявлению специфики человека как существа социального, но конкретно-социальные факторы антропогенеза и особенно расоведения, мало изучены; между тем без такого исследования наше понимание динамики физического типа человека и расогенетических процессов, конечно, нельзя считать полным. При той огромной роли, которую играют морфологические признаки в установлении генетической преемственности и расовой дифференциации, характер их генетической детерминации приобретает первостепенное значение; однако до сих пор в этом вопросе нет ясности, и поэтому изучение морфогенетических аспектов изменчивости человека представляет собой проблему огромной важности. С этой задачей смыкается задача получить полную картину изменчивости расовых признаков в эмбриогенезе и в процессе возрастной динамики. Расширение репертуара признаков за счет новых исследуемых морфологических систем и генетических маркеров изменило характер подхода к установлению генеалогических взаимоотношений групп, базировавшемуся раньше только на морфологии, и поэтому на очереди стоит создание новой таксономии; под этим подразумевается как разработка процедуры таксономического анализа, так и создание соответствующей теории. Только после этого можно будет извлекать из изучения генетических маркеров всю

⁴⁸ О. Исмагулов, *Население Казахстана от эпохи бронзы до современности* (Палеоантропологическое исследование), Алма-Ата, 1970.

⁴⁹ Г. П. Зиневич, *Очерки палеоантропологии Украины*, Киев, 1967; С. И. Круц, *Население территории Украины эпохи меди — бронзы* (По антропологическим данным), Киев, 1972.

⁵⁰ А. Г. Гаджиев, *Антропология и генетика популяций Дагестана*, Махачкала, 1971.

⁵¹ K. Mark, *Zur Herkunft der Finnisch-Ugrischen Völker vom Standpunkt der Anthropologie*, Tallinn, 1970.

⁵² Р. Я. Денисова, *Антропология древних и современных балтов*, Автореф. докт. дис., М., 1973.

полноту исторической информации. Популяционная структура в СССР, как и в других странах, разрушается на наших глазах — это закономерный демографический процесс; следовательно, совершенно необходим полный охват исследованием еще сохранившихся популяций. Наконец, есть большая потребность в инвентаризации и систематизации всех накопленных по антропологическому составу населения мира данных, потому что без такой систематизации ориентироваться в них становится все труднее.

Таковы основные вехи истории антропологии в Российской Академии наук и Академии наук СССР за 250 лет, таковы главные итоги деятельности русских и советских антропологов, работавших в академических учреждениях за это время, таковы, наконец, ближайшие перспективы исследований академических антропологических центров.

250 YEARS OF PHYSICAL ANTHROPOLOGY IN THE ACADEMY OF SCIENCES

Two major stages may be distinguished in the history of anthropology in the Academy of Sciences, the boundary between them being the Great October Socialist Revolution. The pre-Revolution stage comprises three periods: during the first (from the second quarter of the XVIIIth century to the middle of the XIXth century) primary data on the physical types of Russia's peoples were amassed; in the second (from the middle to the end of the XIXth century) anthropology as a science received a definite status within the Academy's organization; the third (from the close of the XIXth century up to the 1917 October Revolution) was a period of full-scale anthropological research. The second stage, i. e. that of Soviet anthropology, comprises four periods: the first, ending in 1930, is a period of research carrying on (both as to form and as to content) the tradition of the final pre-revolutionary period; during the second (1930 to 1941) — the theoretical foundations of Soviet anthropology were being intensively worked out; the third (from 1943 up to the sixties) is a period of active development of anthropological research in conformity with the principles elaborated in the second period and a wide-scope study of the anthropological composition of the Soviet population; the fourth (from the early sixties and up to the present) is a period of interpenetration and amalgamation of anthropological and population-genetic research.
